

Сказочные были старое в новом

А.В. Амфитеатров

Александр Валентинович
Амфитеатров

Сибирская былина о генерале Пестеле и мещанине Саламатове (Сказочные были (1904))

Рассказы и статьи, собранные в книжке "Сказочные были", все уже были напечатаны в разных периодических изданиях последних пяти лет и воспроизводятся здесь без перемены или с самыми незначительными редакционными изменениями.

Относительно серии статей "Старое в новом", печатавшейся ранее в "С.-Петербургских ведомостях" (за исключением статьи "Вербы на Западе", помещённой в "Новом времени"), я должен предупредить, что очерки эти — компилятивного характера и представляют собою подготовительный материал к книге "Призраки язычества", о которой я упоминал в предисловии к своей "Святочной книжке" на 1902 год. Поэтому прошу видеть в них не более, как эклектическую попытку изложить в лёгкой форме некоторые старинные народные верования и, отчасти, известнейшие мифологиче-

ские воззрения на них. Дальнейших претензий, в настоящем своём виде, статьи эти не имеют.

Из остального содержания книги, рассказы "Наполеондер" и "Сибирская легенда" были первоначально напечатаны в "СПб. ведомостях", "Землетрясение" в "Историческом вестнике", "Морская сказка" и "История одного сумасшествия" в "России", "Не всякого жалей" в "Приазовском крае".

**Сибирская былина о
генерале Пестеле и
мещанине Саламатове
(1818 г.)**

События, воспеваемые этой былиною, не вымышлены. Генерал-губернатор Пестель, последний «вице-рой»[1] Сибири, управлял ею 14 лет (сменён в 1819 году). Он жил в Петербурге, а краем фактически управлял иркутский губернатор Трескин, которому Пестель слепо верил. Это был человек весьма энергичный, но страшно и ненужно жестокий, грубый, нечистый на руку. Таковых же подбирал он и служащих. Между последними, в особенности прославился свирепостью и взяточничеством исправник Лоскутов. Эта камарилья превратила Сибирь в ад для обывателей, особенно для богатого купечества. Административный террор, созданный Пестелем и Трескиным, был тем ужаснее, что, пользуясь покровительством Аракчеева, Пестель сумел обезопасить себя от жалоб в Петербурге. Челобитья перехватывались агентами Трескина в Сибири или Пестеля в Петербурге, а челобитчиков постигало жестокое мщение. Так пострадали за попытки жаловаться на Пестеля и Трескина генерал Куткин, губернаторы Хвостов (тобольский) и Корнилов (томский), купцы Сибиряковы, Пере-

довщиков, Мыльников, Дуборовский, Киселёв, Полуянов, титулярный советник Петухов, председатель и прокуратор уголовной палаты Гарновский и Петров, монголист Игумнов. «Енисейский городничий катался по городу на чиновниках за то, что они осмелились написать просьбу об его смене» (Корф). «Лоскутов дошёл до такой необузданности и смелости, что высек нижеудинского протоиерея Орлова плетью» (Ядринцев). Все эти ужасы создали, наконец, самоотверженного героя-избавителя, в лице скромного иркутского мещанина Саламатова, который, в 1818 году, отправился через Китай, сибирскую тайгу и киргизские степи в Россию, добился в Петербурге личной аудиенции у Императора Александра I и объяснил ему тяжкое положение сибирских дел. Подав донос, Саламатов, вместо награды, просил Государя: «прикажите меня убить, чтобы избавить от тиранства Пестеля». Государь был растроган, потрясён. По его личному повелению, Саламатов был отдан на особую ответственность петербургскому генерал-губернатору Милорадовичу. Дальнейшая судьба Саламатова неизвестна. Беско-

рыстный гражданский подвиг его дал сильный толчок вопросу о ревизии Сибири и реформе её управления. В 1819 году Пестель отставлен от должности, и началась знаменитая ревизия Сперанского, уничтожившая Трескина, его систему, его любимцев Лоскутовых, хотя все эти господа и очень дёшево заплатились за свои неистовства. Подвиг скромного Саламатова не умер в памяти сибирских старожилов.

*О, Боже, Спас Милостивый,
Пресвятая Богородица Аба-
лацкая[2]!
До сю пору жили, беды не
ведали, —
Теперя беда на воротах ви-
сит.
До сю пору с горем не знава-
лися, —
Теперя горе во штях едим.
Господь на Сибирь прогне-
вался,
Опалил на Сибирь сердце
царское,
Послал на Сибирь злого на-
чальника
Генерала Пестелева.*

Он Божьим храмам не крестится,
Царскому имени не чествует,^[3]
Царёву казну в разор зорит,
Соромит люди почётные,
Мещанов, купцов в щёку
бьёт,
В щёку бьёт, в кандалы куёт.
Сходились люди почестные,
Собирались купцы сибирские,
Иркутские, томские, тобольские,
Сибиряковы, Передовщиковы,
Петуховы, Киселёвы, Трапезниковы.
Они сходились, купцы, во единый круг,
Они думу думали за единый дух:
— То ли нам, купцам, на свете не жить,
То ли нам, купцам, до веку тужить
От злого начальника

Генерала Пестелева?
А вольно купцам на свете
жить,
А негоже купцам до веку
тужить!..
Гнали купцы мальчика в го-
стинный двор,
Брали бумагу золотой об-
рез,
Ярлык скорописчатый.
Писали слёзную грамоту,
По нашему сибирскому,
кляузу
На злого начальника
Генерала Пестелева.
Созывали купцы бойцов-гон-
цов[4],
Бойцов-гонцов со всех кон-
цов, —
Везли бы гонцы грамоту,
Ярлык скорописчатый,
От славного города Иркут-
скова
До славного города Питера,
В саморуки Его Царскому
Величеству
Государю Императору
Александру Павловичу:

— Не вели казнить, вели челом бить, —

Челом бить, слово вымолвить!

А мы, твои купцы сибирские,

Иркутские, томские, тобольские,

Твоему Царскому Величеству слуги верные,

Головы поклонные,

Речи не супротивные...

А все мы на твоей воле живём,

Твоего Царского Величества.

За что на нас прогневался,

Опалил сердце Царское,

Послал нам злого начальника

Генерала Пестелева?

Он Божьим храмам не крестится,

Царскому имени не чествует,

Царёву казну в разор зорит,
Соромит люди почестные,
Мещанов, купцов в щёку

бьёт,
В щёку бьёт, в кандалы ку-
ёт,
В кандалы куёт, правёж
правит
По базарам, майданам, яр-
монкам.
А горя купцам на век прода-
но,
А слёз купцами на век куп-
лено!
А ещё генерал Пестелев,
С Трескиным-губернато-
ром,
Скурлатом немилости-
вым,
Да с лютым исправником
Лоскутовым,
Остыдили дома купецкие,
Осрамили дочери отецкие,
Сняли с девок закон роди-
тельский.
Которая девка на возрасте,
Которая девка на выданье,
Велят девку в набор вер-
стать,
В набор верстать — замуж
венчать,

*Не спрося отца-матери.
А кому купцам чада от-
дать?*

*А кому купцам зяти
звать?*

*Отдать чада в люди навоз-
ные[5],*

*Звать зятьми воры-посель-
щики,*

*Варнаки, шпанцы приبلуд-
ные...*

*А того дела от веку не слы-
хано,*

*У святых отцов не благо-
славлено,*

*В царском законе не пока-
зано.*

*Горюшком девки ряжены,
Бедюю обуваются,
Стыдобою русы косы че-
шут[6].*

*А ещё генерал Пестелев,
С Трескиным губернато-
ром,*

*Скурлатом немилости-
вым,*

*Да с лютым исправником
Лоскутовым*

Хитят твою царскую худо-
бицу:
Которо золото, — на себя
пишут,
Которы руды, на себя ро-
ют,
Который соболь, — себе шу-
бу шьют,
Которо вино, — на свой ха-
бар берут,
Убытчат кабаки государе-
вы,
Кабалют люди вольные,
Ямские, трактовые[7].
Как слышит-прослышит
генерал Пестелев,
Что сбирались купцы си-
бирские,
Иркутские, томские, то-
больские,
Писали слёзную грамоту,
Посылали гонцов-бойцов
До славного города Питера
В саморуки Его Царскому
Величеству
Государю Императору
Александрю Павловичу.
Возгрянет-возгаркнет ге-

нерал Пестелев

К Трескину губернатору,
Скурлату немилостиву,
Да к лютому исправнику

Лоскутову:

— Ой вы, мои слуги верные!
До сю пору мы страха не
видывали,

А ноне страх в глаза гля-
дит,

Коли царь сибирские прав-
ды дознается,

Сказнит-срубит — бу-
дет, — нам буйны головы.

А было нам бойцов-гонцов
поймать-словить,

А было купцов в острог по-
садить,

Ковать в кандалы крепкие,
За решётки железные.

Губернатор Трескин, скур-
лат немилостивый,

Со лютым исправником
Лоскутовым

Втепоры были догадливы:
Скочили-метались на Ени-
сей-реку,

Поймали-словили гон-

цов-бойцов,
Схватили-связали от-
цов-купцов,
Ковали в кандалы крепкие,
Сажали за решётки желез-
ные
С ворами, разбойниками,
Варнаками, шпанцами[8].
Гонцы-бойцы по острогам
сидят,
Отцы-купцы кандалми гре-
мят,
А генерал Пестелев
С Трескиным-губернато-
ром,
Скурлатом немилости-
вым,
Да лютым исправником
Лоскутовым,
Плюют купцам в бороды,
В глаза надсмехаются:
— Вам ли купцам на меня
ятися?
Вам ли супротивничать?
Хочу, — купцом вошей
кормлю,
Хочу, — купца в пролубь са-
жу!

Вас, купцов, Бог забыл,
Бог забыл, царь не милует.
А все вы, купцы, мошенни-
ки,
Сутяжники, злые ябедники.
Снаряжу я, генерал Песте-
лев,
Караулы-команды строгие,
Поставлю заставы креп-
кие,
Рогатки железные
Круг-покруг Иркутскова,
Нерчинскова,
Красноярскова, Томскова,
Тобольскова,
Енисейскова, Барнаул-горо-
да:
А не станет вам, купцам,
хода-выхода,
А не будет вам писать ябе-
ды,
А не будет посылать гон-
цы-бойцы
До славного города Питера
В саморуки Его Царскому
Величеству
Государю Императору
Александру Павловичу.

Не видать свиньям солнца
на небе,

Не дойти купцам до прав-
ды царские.

Втепоры купцы сибирские,
Иркутские, томские, то-
больские,

Сибиряковы, Передовщико-
вы,

Киселёвы, Петуховы. Тра-
пезниковы, —

Они были догадливы:
Сходились во единый круг,
Думали думу за единый дух,
Новили слёзную грамоту,
Выкликали охотника:
— А и кто у нас гонец-боец

—
Пройттить караулы стро-
гие,

Заставы-шланбомы креп-
кие,

Рогатки железные?
Отвезти слёзную грамоту,
Челобитье сибирское,
До славного города Питера
В саморуки Его Царскому
Величеству

Государю Императору
Александрю Павловичу?
Все бойцы-гонцы призаду-
мались,
Призадумались, приужах-
нулись.
Друг за дружку прячутся,
Друг за дружкой к двери пя-
тятся.
Один боец слово вымолвил:
— Не бывать удалому
охотнику
Супротив Михайлы Сала-
матова.
А родом Михайло — ме-
щанский сын,
Из Иркутскова города,
Слободы заречные.
— Ой ты, Михайло Салама-
тов, мящанский сын!
А и чем нам, купцам, тебя,
Михайлу, жаловать, —
Прошёл бы ты, Михайло,
караулы строгие,
Заставы-шланбомы креп-
кие,
Рогатки железные?
Отвёз бы, Михайло, слёз-

ную грамоту
Его Царскому Величеству
На злого начальника
Генерала Пестелева,
С Трескиным губернато-
ром,
Скурлатом немилости-
вым,
Да лютым исправником
Лоскутовым?
Мы-те, Михайле Салама-
тову,
Сошьём шубу соболиную,
Шапку бобровую,
Ещё дадим меру золота,
Меру серебра,
Меру скатного жемчуга,
Цветного камня по душе
бери.
Не труба золотая грянула,
Не звоны серебряные звяк-
нули,
Не варганы взварганили, —
Возговорил Михайло Сала-
матов, мещанский сын:
— Не хочу камня-жемчу-
га,
Не возьму меру золота,

Не приму меру серебра,
Не надоть Мишуте шубы
соболиные,
Шапки бобровые, —
А то мне, Мишуте, надобе:
Помогли бы Спас Милости-
вый,
Пресвятая Богородица Аба-
лацкая!
А мы от миру не отказчи-
ки,
А мы за мир стояльщики:
Ехать мне, Мишуте, гон-
цом-бойцом
К Его Царскому Величеству
Государю Императору
Александрю Павловичу!
Хоть и не жить — беду до-
ложитъ
Про злого начальника
Генерала Пестелева,
Трескина губернатора,
Скурлата немилостива,
Про лютого исправника
Лоскутова.
Наобедь Саламатов коня
кормил,
В полночь Саламатов ко-

ня седлал,
В глухую ночь со двора съехал.

Уздечка у Мишуты в пятьдесят рублей,

Седельцо под Мишутю в пятьдесят рублей,

Коню под Мишутю цены нет:

Плачены многие тысячи.
Проехал Мишута караулы строгие,

Заставы-шлонбомы крепкие,

Рогатки железные:
Команды Мишуту не учуяли,

Заставы Мишуту продрёмали,

Рогатные казаки глазами прохлопали.

Скочил Мишута на Свято-море,

На славный Байкал-озеро,
Со Свята? — моря на Шилку-реку,

С Шилки-реки на Амур-реку,

С Амур-реки в Китай-пески,
Ехал Мишута три года,
Три года, три месяца,
Три месяца, да три дня,
Три дня да три часа,
Три часа с тремя минута-
ми.

Он ехал, с седельца не сла-
зивал,

На мать сыру-землю не
прилягивал.

Ехал Мишута песками ки-
тайскими,

Ехал Мишута лесами си-
бирскими.

Ему частые звёздочки по-
свечивали,

Его дикие звери не трогали,
Киргиз-народ не обидели.

Приехал Мишута на Яик-ре-
ку,

С Яик-реки на Волгу-реку,
С Волги-реки на Москву-ре-
ку (sic![9])

Ко славному городу Пите-
ру, —

Бил челом Его Царскому
Величеству

Государю Императору
Александру Павловичу
На злого начальника
Генерала Пестелева
С Трескиным губернато-
ром,
Скурлатом немилости-
вым,
Да с лютым исправником
Лоскутовым.
Как принял Его Царское Ве-
личество
Государь Император Алек-
сандр Павлович
Бумагу золотой обрез,
Ярлык скорописчатый,
Челобитье Сибирское —
Опечалился Государь, зату-
манился,
Повесил на правое плечо го-
ловушку,
Уронил слезу жемчужную
На шелковую бороду.
— Ахти мне, купцы сибир-
ские,
Иркутские, томские, то-
больские!
А вы мне, Царю, до сердца

дошли!

Досюль я правды сибирские
не видывал,

А ноне правда — жива — в
глазах стоит,

В глазах стоит, слезу то-
чит,

Кулаком утирается.

Исполать тебе, Михайло
Саламатов сын,

Что довёз ты слёзную гра-
моту,

Таё ли правду сибирскую.
Ещё чем тебя, Михайлу,
жаловать?

Дам тебе, Михайле, шубу
соболиную,

Шапку бобровую,

Меру красна золота,

Меру чиста серебра,

Меру скатного жемчуга,

Цветного камня по душе

бери.

Ещё тебя, Михайлу, пожа-
лую:

Садись, Михайло, со мною
за один стол,

Ешь со мною с одного блю-

да,
ка! — Пей вино из одно стаканчи-
ские, Чтобы знали все люди рус-
ет! Каково Царь правду чувству-

Отвечал Михайло Салама-
тов-сын:

— Я на жалованьи благо-
дарствую,
На почести поклон кладу,
Целую руку царскую.
Не надоть мне шубы собо-
линые,
Шапки бобровые,
Красного золота,
Чистого серебра,
Цветного камня, скатно-
го жемчуга.

Я на жалованьи благодар-
ствую,
На почести поклон кладу,
Целую руку царскую.
Не сумею, мужик, за цар-
ским столом сидеть,
Оробею, мужик, есть с
блюда царского,

Пить вино из стакана госу-
дарева.

Я на жалованьи благодар-
ствую,

На почести поклон кладу,
Целую руку царскую.

Ты пожалуй меня, право-
славный царь,

Твоё Царское Величество
Государь Александр Павло-
вич!

Суди-казни злого начальни-
ка,

Генерала Пестелева,
С Трескиным губернато-

ром,
Скурлатом немилости-
вым,

Да лютым исправником
Лоскутовым.

На том тебе челом бьём,
На том благодарствуем,
Иные награды не ищемо:
Награда будет от Бога на
небеси,

От Пресвятой Богородицы
Абалацкия.

Не грома прорыкали,

Не урмань[10] всколыхну-
лись,
Не окиян-море взбушевало-
ся, —
Молвил слово православ-
ный Царь,
Его Царское Величество
Государь Император Алек-
сандр Павлович:
— А где мои слуги верные,
Господа князи, бояре, фер-
маршалы?
Вы седлайте борзых коней,
Выезжайте во Иркутск-го-
род,
Судите злого начальника
Генерала Пестелева,
Трескина губернатора,
Скурлата немилостива,
Да лютого исправника Лос-
кутова.
А будет генералу Пестеле-
ву —
Срубить буйну голову.
А будет Трескину, губерна-
тору —
Ехать в остроги Колым-
ские.

А будет исправнику Лоску-
тову —
Копать руды нерчинские.
Чтобы Царёву правду пом-
нили,
Царёву имени чествовали,
Царёвы слова слушали,
Царёвой казны не зорили.
Царёв народ не обидели.
На том мы, купцы сибир-
ские,
Иркутские, томские, то-
больские,
Молебствуем Спасу Мило-
сердному,
Пресвятой Абалацкой Бого-
родице.
На том мы, купцы сибир-
ские,
Иркутские, томские, то-
больские,
Честь-хвалу воздаём, славу
поём,
Славу поём, благодарству-
ем
Его Царскому Величеству
Государю Императору
Александру Павловичу.

На том мы, купцы сибир-
ские,
Иркутские, томские, то-
больские,
Поминаем память вечную
Мещанину Михайле Сала-
матову —
От мира не отказчику,
За мир честному стояль-
щику,
Что отыскал, Михайло,
правду царскую,
Оправдал правду сибирскую
Супротив злого начальника
Генерала Пестелева!

Примечания

1

vice-roi (фр.) — вице-король

[^^^]

Абалацкая Богородица — чудотворная икона
Б. Матери в Абалакском монастыре Тоболь-
ской губернии.

[^^^]

Зерцалу

[^^^]

4

Боец-домохозяин, глава семьи, плательщик
податей.

[^^^]

5

Навозный — ссыльный, привезённый из России.

[^^^]

6

Слух о насильственной выдаче вольных сибирячек за ссыльных был пущен самим Трескиным или его ближайшими сотрудниками с целями вымогательства.

[^^^]

Обвинения эти, действительно, содержатся в жалобах на Пестеля, Трескина и друг.

[^^^]

Острожниками.

[^^^]

sic! (лат.). - да!

[^^^]

Тайга, дремучий лес.

[^^^]